ИДЕОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ОПРОВЕРЖЕНИЯ

Науменко Лев Константинович – д.ф.н., профессор, эксперт Фонда «Альтернативы».

Мотивом «вмешательства» В.М. Межуева в спор Л.К. Науменко и В.Ж. Келле послужило, как он пишет, то, что мое выступление «задевает лично» его, хотя в моей статье «"Наше или мое". Марксизм и постмодернизм» ни имя, ни работы В.М. Межуева не упоминаются.

В свою очередь должен сказать, что я не стал бы отвечать Межуеву, если бы его выступление задевало только «лично меня», хотя статья моего старого друга от первой строки до последней посвящена «лично мне». Думается, что мы смогли бы разобраться в наших взаимоотношениях и не обращаясь к средствам «массовой информации». В самом деле, зачем этим «массам» погружаться в наши взаимные обиды, если никого, кроме нас двоих, все это лично не затрагивает? Но мне приходится отвечать **именно потому**, что предмет спора лично затрагивает, обязан затрагивать каждого, кто не равнодушен к нашему общему, общественному бытию. Эту общественно значимую проблему я и вынес в заголовок настоящей статьи. Сразу видно не только различие между нами, но и **противоположность позиций**: у Межуева – «мое», а у меня – «наше».

1. Почему именно эту проблему – **идеология и общество** – я ставил «во главу угла» и в предыдущей статье и в настоящей? В чем существо ее?

Наше общество расколото, социальные связи разорваны, центробежные силы господствуют, хаос усугубляется, пропасть между неслыханным, все более наглежащим богатством и нищетой растет, безопасность исчезает, у властей защиты нет. Миллионы оказались заложниками у «жирных котов», как выразился Барак Обама. Что может быть противопоставлено этой губительной тенденции? Именно этот вопрос волнует меня и именно эту проблему ставил в своей статье и В.Ж. Келле, именно она касается лично каждого, кто не относит себя к клану «жирных котов». Именно эту проблему не заметил В.М. Межуев ни в моей статье, ни в статье В.Ж. Келле. В этом, главном пункте моя позиция от позиции В.Ж. Келле **не отличается**: В.Ж. Келле заботит именно «наше». У В.М. Межуева на первом плане то, что затрагивает лично его.

В чем **различие** между моим подходом к проблеме и В.Ж. Келле? – В том, что он полагает, будто этим центробежным тенденциям способна противостоять идеология, «духовные скрепы» - религия, церковь, духовные ценности и все такое. Да кто бы стал возражать? Кому же не ясно, что общество, в котором правит бал «война всех против всех», в котором все виды связей между людьми сведены к одной, основанной на «материальном» (в вульгарном значении этого слова), шкурном интересе, на

чистогане, на наживе, общество, которое Гегель подытожил в формуле «духовное царство животных» - кому же не ясно, что такое общество бездуховности **хуже** общества с «духовными скрепами». Пусть вера, религия, церковь, философия, искусство, политика, идеология – что угодно противостоит социальному распаду. Это **лучше, чем ничего**. Только вот есть ли уверенность, что все эти «духовные скрепы» способны противостоять конфликту материальных интересов? – Свежо предание, да верится с трудом. Верит ли сам В.М. Межуев, что разлетающиеся кусочки можно склеить хоть лампадным маслом, хоть философской субстанцией – ценностями?

Более того, а есть ли уверенность в том, что «духовные скрепы» сами не превратятся в мощные факторы разлада, распада? Если в поликонфессиональной стране одна из конфессий окончательно срастется с государством, то не чревато ли это религиозными войнами, как было в средневековье? Разве в нашем обществе есть полное единодушие в этом отношении? «Духовные скрепы» даже в нашей стране – **разные**. Чем и как прикажете скреплять сами эти «скрепы»? Не получится ли в результате «за что боролись, на то и напоролись»? Не очевидно ли, что чем прочнее станут эти «скрепы» в одном месте, тем громче они затрещат в другом? Не автоматный ли это треск? Тщетно было бы искать в статье Межуева хотя бы следы понимания этой сути дела.

Идеология, ориентирующая на единство там, где господствует и все усиливается **реальное** разобщение и очевидный **конфликт** интересов, плодит иллюзии, усугубляющие болезнь. Вот чем продиктовано и содержание и **«тон»** моей предыдущей статьи. Тут и в самом деле не до «академизма». А как бы Вы, читатель, отреагировали на действия врача в ситуации, угрожающей жизни близкого человека, врача, предлагающего в качестве лекарственного средства плацебо – безобидный порошок соды или мела, психотерапию вместо хирургии? Поэтому-то я и писал в статье, вызвавшей раздражение и обиду В.М. Межуева, следующее (**вынужден** повторить): «"сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют? Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают?" А и то, и другое вместе: хоронят "пещерный социализм", а идеологию выдают замуж за "пещерный капитализм". Выдают в видах спасения "социума" от распада. Словом так: если (резво глядя на вещи) хищника и жертву, олигарха и пенсионера, мать-одиночку и чиновника-рецидивиста, вора и обворованного, труд и капитал, ретивого коня-бизнесмена и трепетную лань-интеллигенцию реально-материальными связями не соединить, то вся надежда только на духовно-идеологические "скрепы". Они, эти скрепы и связи, будут проложены, так сказать, поверх реальных противоречий... Вот и получается: "Чем хуже дела в приходе, тем больше работы звонарю"». Это мы уже проходили. «Звонарь» - это идеолог.

Об идеологии, о ее понимании Марксом и о понимании В.М. Межуевым, о ценностях и прочем мы еще выскажемся ниже. Но сначала о том, что мне представляется не столь уж важным. Это **реноме словосочетания** «духовное производство». Межу-

ев подчеркивает, что он первый извлек это словосочетание из текстов Маркса и позднее оно стало общеупотребимым. Ни в упомянутой моей статье, ни где либо еще я не высказывался уничижительно ни о **понятии** «духовное производство», ни о самой **проблеме**. Межуев, читая поверх строк, увидел в моей статье покушение именно на понятие и проблему и приписал мне то, чего у меня нет. Можно было бы и не затрагивать честь словосочетания «духовное производство», тем более, что им не брезговал и Маркс. Но дело в том, что с этим словосочетанием оказался связан один существенный нюанс, который как раз и составляет предмет моей озабоченности. Вот этот «нюанс».

В издательской рецензии на книгу В.М. Межуева «Культура и история» еще в 1977 г. я писал: «Нам представляется убедительной критика концепции культуры как производства духовных ценностей и как совокупности продуктов духовного производства. Главное в культуре, ее ядро, ее суть, субстанциональную основу составляет «производство человека» как деятельного существа во всем объеме его актуальных и исторических общественных связей. Именно такое понимание позволяет автору связать воедино и историю культуры, и историю философии культуры, и проблемы ее современного развития». Как видите, за три с лишним десятилетия я не изменил ни себе, ни Межуеву, ни Марксу, чего, по-видимому, нельзя сказать о моем нынешнем оппоненте. Следовательно речь идет о **понятии**, о ядре, о **сути** идеи «духовного производства». Изменилось ли у В.М. Межуева представление об этой сути или нет? Я полагал, что не изменилось. Поэтому-то и не «задел» его в своей статье. Если же оно изменилось, то сказанное мною о «производстве удовольствий» Вадим Михайлович может принять на свой счет. Однако, если это ядро, суть, субстанциональную основу изъять из произведений Межуева, т.е. вычесть Маркса из Межуева, то что, скажите на милость, останется? (К этому остатку мы ниже еще вернемся).

Обратимся теперь к Марксу. (Не забудем, что у нас речь идет именно о стилистике, о словосочетании). Речь о «духовном производстве» у Маркса идет **в контексте экономическом**. И поскольку в экономике мы имеем дело с массовыми процессами, с производством продуктов, с тиражированием, а Маркса интересует связь духовных явлений с процессами экономическими, он и духовные подводит под ту же категорию «производства», т.е. **приводит к единому основанию**. Этого требует логика. В противном случае его намерение было бы сродни попытке устанавливать связь между бузиной в огороде и дядькой в Киеве. В этом контексте нас не коробит и словосочетание. Не коробит же нас словосочетание «живая сила», «рабочая сила» и т.п. Есть и такие контексты, где допустимо говорить даже о «детопроизводстве». Но то, что уместно в отчете военачальника о потерях в живой силе, будет кощунственным, диким в похоронке, написанной тем же военачальником матери «погибшего под Ржевом». А как вам понравятся, к примеру, такие словосочетания: «Рафаэль занимался производством художественных ценностей», «Рублев – производством икон», «Толстой

производством романов» и т.п. Такое конечно тоже бывает, но в этих случаях духовное производство, поставленное на поток, и оказывается «производством удовольствий». Такова «предпринимательская деятельность» некоторых «успешных» детективщиков. Будет ли в этом случае «производство духовных ценностей» отличаться от производства колготок? Маркс отчетливо видел эту разницу: в тех случаях, где речь идет о массовых процессах и «продуктах», следует говорить о производстве, где об уникальных – о творчестве. А соединить эти противоположности можно только одним единственным способом, приведя их к одному основанию – к человеку, творцу и массовых, отчуждаемых продуктов и уникальных шедевров. Только это и позволяет говорить о духовности. А если уж говорить о производстве, рассматривая его как универсальную категорию, то следует говорить о «производстве человека» во всем противоречивом разнообразии его репродуктивных и креативных способностей. Что же касается стилистики, то мне не очень верится, что сам В.М. Межуев не испытывает дискомфорта, выражаясь так: «производство ценностей» - не материальных, нет, самых настоящих духовных. Если есть духовное производство, то должно быть и духовное потребление. Если есть «производство ценностей», то должно быть и «потребление ценностей». Что такое, к примеру, «производство» справедливости, свободы, добра? И что такое «потребление» того же самого? Межуев настаивает на рыночном понимании «духовного производства», я – на гуманистическом.

Разве духовность синоним церковности и даже религиозности? Механическое бормотание пономаря или столь же механическое распевание псалмов – это «духовное»? Да что там псалмы! **Один и тот же** кусок хлеба для меня – благо материальное, протянутый голодному – духовное. Любая музыка, захватывающая всего человека – духовная. А «духовная музыка», оставляющая и исполнителя и слушателя холодным – не духовная, а духовая, «воздуходуйство». Ну да бог с ней, со стилистикой! Досадно лишь, что такая мелочь вызвала такой гром ex cathedra.

2. Вернемся к вопросу об «идеологии».

Идеология – объективное социально-историческое явление. Было время, когда идеологии не было, настанет, когда ее не станет. Почему? – Потому, что функция идеологии **интегративная**. Там, где нет существенного различия между коренными интересами больших социальных групп (прежде всего – классовых) и где различия не перерастают в конфликты, идеология не нужна. Нет необходимости интегрировать то, что уже интегрировано. Потребность в идеологии возникает там и тогда, где и когда возникает необходимость представить **особые, частные** интересы (как правило господствующих классов) как интересы **всеобщие**, интегральные. Для этого требуется не отражение объективной реальности, а соответствие особым, не зависящим от реальности, самодостаточным универсальным «сверхчувственным» сущностям – «идеям». Познание «эмпирической» реальности к искомой интеграции не приведет, там все наоборот. Приходится постулировать особый, не зависящий от реальности

фактор. Это идеи, выступающие не как знание, а **только** как «ценности». Именно такой и была псевдосоциалистическая и псевдокоммунистическая идеология. Ее назначение состояло в том, чтобы представить желаемое и должное как сущее и данное, представить ценности как знания, выдать то, чего еще нет, за то, что уже есть. Общепартийная собственность, советская власть, общепартийное государство, единство партии и народа – все это и многое другое не истины, а именно ценности, причем – ценности для одних и звонарство, риторика, «брехня» для других, ибо ценности, не соответствующие реальности, – обман.

Поясним сказанное.

Знание констатирует то, что есть, отражает сущее. Ценность констатирует не сущее, а должное, она отнесена не к тому, что есть, а к тому, что не есть, но лишь должно быть, что желательно. Налицо не только различие, но и противоположность между теоретическим знанием и ценностями. Эту разницу все мы видим не хуже Межуева. Ценности тоже не из воздуха берутся. Они тоже отражают реальность, но не фотографически, а **диалектически**, они не позитив, а негатив, рефлекс не грядущего рая, а нынешнего ада, они – негативная **тень** сущего. Поэтому они тоже знания. А если эти знания отражают не только то, что есть, но и тенденцию сущего, то это научные знания, что не мешает им быть одновременно и ценностями. То же самое и идеал. Он подпитывается не своим позитивным содержанием, а **негативным потенциалом реальности**, рефлексом которой является, и в которой он неодолимо возрождается из пепла. В противном случае он ничем не отличался бы от царства Божия на земле, где текут молочные реки сквозь кисельные берега. Иными словами, он порождается не соблазнительными картинками прекрасного будущего, а отвратительными картинками безобразного настоящего. Вот почему он неистребим, вот почему он не утопия, а «действительное движение», вот почему он **отражение**. Различие между ценностями и знаниями не содержательное, не субстанциональное, а **функциональное**: одно и то же, а именно знание, выступает в одном случае как теоретическое, в другом – как практическое отношение к миру. У Канта, например, разум в теоретической функции – это наука, а в практической – мораль. Но именно разум, одна и та же способность, а не две несоизмеримо разные. (Межуев не вправе даже упоминать имя Канта, если он не знает этой азбуки).

Формулу «Единая Россия» можно рассматривать и как нечто, подобное знанию, и как ценность. Если эта формула отнесена к будущему, то она ценность, даже «идеал». То же самое следует сказать и о формуле «Справедливая Россия». Тут нет еще никакой идеологии. Но если формулы отнесены к настоящему и выдаются за констатацию того, что есть, то идеология тут налицо. Следовательно, **существует различие не только между знанием и ценностями, но и между ценностями и идеологией**. Вот этого-то В.М. Межуев и не видит. По его мнению идеология была, есть и будет. Поэтому нападать на идеологию как таковую не следует, есть идеология пло-

хая, а есть и хорошая. Плохая – это идеология научная, хорошая – ценностная. Пафос его статьи – критика официальной советской идеологии. Именно научность и есть, по его мнению, главный порок этой идеологии и причина злоключений социализма. Будь эта идеология ориентирована не на знания и разум, а на «ценности» и иррациональность, бед можно было бы миновать. Межуев настолько последователен и категоричен, что упоминает даже «Горе от ума» и при этом толкует мысль Грибоедова буквально: горе «реального социализма» именно от большого, излишнего ума «руководящей и направляющей силы общества», от избытка знаний. Сам-то он верит в это? Повторю то, что мне уже доводилось писать: «Если бы нашелся исследователь, который взял бы на себя труд вычислить и вычертить две кривые: одну роста образованности, интеллигентности, профессионализма в стране в целом и другую – падения тех же качеств в высшем руководящем слое, то сопоставление этих кривых было бы красноречивее любых словесных "дискурсов". Чем просвещеннее становится страна, тем темнее ее руководство». Горе от ума тому, кто живет в краю дураков. Об **этом** Грибоедов.

3. Упомянутая мною выше способность Межуева читать поверх строк – не обидная полемическая «шпилька», а простая констатация факта. Он **сумел увидеть в моей статье то, чего в ней нет и не заметил то, что в ней есть.**

Прежде всего он увидел в моей статье проблему «идеология и наука», тогда как у меня эта проблема вообще не ставится и тема эта не обсуждается. В тексте моей статьи объемом в полтора листа само слово-то «наука» употреблено лишь шесть раз (включая и «доктор философских наук») и **ни разу** в сопряжении с идеологией. Нет у меня этой проблемы – «идеология и наука», **нет**, Вадим Михайлович! **Нету!** А на нет и суда нет. Межуев судит не меня, а кого-то другого. Если кто-то валяет какого-то дурака, то почему этим дураком должен быть я?¹ Чёрт – свое, а поп – своё? Похоже, что кроме пары абзацев о словосочетании «духовное производство» Межуев ничего и не прочел, посчитав это достаточным основанием для того, чтобы, вообразив себя Юпитером, начать метать анемичные академические молнии. Но есть **другая** проблема – **идеология и общество**, которую критик умудрился не заметить. О ней сказано выше.

Оставим лежать этот литературный персонаж с присвоенным ему чужим именем, «невнятными рассуждениями» и отождествлениями всего и вся. Послушаем самого литератора.

«Но ведь, осмелюсь заметить, существуют и иные, чем только наука, формы духовного освоения мира». Категорически согласимся с В.М. Межуевым и получим **об-**

¹ Говорят, что однажды Пикассо сказал портретируемому индивиду, конечно же изувеченному им: «Теперь постарайтесь быть похожим на мой портрет». Мне что-то не хочется. К тому же В. Межуев все-таки не П. Пикассо.

ший тезис № 1: наука – форма духовного освоения мира, (наряду с «иными»). Абзацем ниже находим: «разделение культуры на интеллектуальную и духовную» - «не прихоть и блажь», «а объективная реальность». Получили **тезис № 2: духовная культура – не интеллектуальная форма**. Но если вы уже включили науку в духовное освоение мира, то по правилам школьной логики **вывод** должен быть один: **наука - не интеллектуальная форма**. Следуя этой логике, можно было бы утверждать, что люди делятся на европейцев, французов и парижан. Осмелюсь заметить: «Гроссмейстер, так конь не ходит!»

Описка, оговорка? Нет, не похоже. Ценности – **объективная реальность**, а не блажь. Уважаемый коллега, да не отрицаю я «объективную реальность» ценностей! Только у Вас-то как раз наоборот: ценности – **субъективная реальность**. Вот в чем беда! А что же еще, если они есть, но объективную реальность не отражают? А если они – только объективная реальность, то получается, что ценности – это то же самое, что камни, деревья, автомобили – вещи, предметы, которые, понятное дело, не истинны и не ложны. Они просто есть. Но речь-то идет о людях, а не о булыжниках. А «человеку свойственно заблуждаться» - *ergare humanum est*. Когда это было сказано?

В.М. Межуев делает вид, что он будто бы не понимает, о чем идет речь. А речь идет о том, что «различения и разделения» бывают разные. Мы имеем в виду такие «разделения и разграничения», при которых получается **дуализм**. Речь-то ведь не о том, что печенька отличается от селезенки. Речь у Межуева идет об отделении духа от материи, души от тела, сознания от бытия. Рассеките живое пополам, и вы получите с одной стороны - «утопший труп мертвого человека», а с другой – бессмертную душу. И если вы не хотите размещать ее в шишковидной железе, то придется искать ей пристанище на небесах. Я вовсе не призываю на голову Межуева кары небесные за «отступничество» от материализма, марксизма и т.п. Развивайте какую угодно теорию, но уж выберите какой-нибудь один стул, а не усаживайтесь на два, разъезжающиеся в разные стороны. Стройте свой собственный теоретический особняк, но не выдавайте его за общий дом. Поменяйте вывеску. Марксизм в философии без материализма и идеи отражения – то же самое, что и физика без закона сохранения энергии. С тем, кто этот закон отрицает, ни один физик и разговаривать не будет.

Вернемся к тому, чего в моей статье нет и что в ней есть.

Нет в моей статье отождествления науки и познания вообще, нет и отождествления теоретического разума (научного) и практического, того, что «работает» в науке и того, что «работает» в морали, нет отождествления теоретических знаний и ценностей, как нет у меня и детской надежды на то, что можно устранить идеологию исключительно силой научного знания. Но нет у меня и бессмысленного противопоставления истины и ценности. Не писал я и о том, что разделение материального и духовного производства «основано на чистом недоразумении». Нет у меня и «науки, вобравшей в себя весь мир», мне не «претит всякое разделение, различение и раз-

граничение», нет и намерения уложить «сложность и разнородность духовного мира человека» «в прокустово ложе одной науки». Нет и «оправдания претензии науки на духовную монополию в сфере сознания». Все это просто померещилось В.М. Межуеву, как померещилось и понимание монизма как повального отождествления всего и вся, как некой ночи, в которой все кошки серы. Мне «претит» как обездуховленный интеллект, холощенный рассудок, так и иррациональный, бессмысленный «дух». Я писал о том, что гносеология без аксиологии стоит не больше, чем аксиология без гносеологии. Еще раз повторю: не судьба науки и ее место в духовном мире человека меня волнует, а судьба разума и знания в нынешнем «духовном» мире – и в науке, и в искусстве, и в морали, и в политике, и в экономике, и в философии. То, что действительно мне «претит», так это «потрошение» со-знания, удаление из него знания и неизбежное отождествление духовности с **иррациональностью**. Если сознание и дух не синонимы, то синонимы дух и бессознательность. Об этом моя статья и именно поэтому она резюмируется критикой постмодернизма.

«Похоже, - читаем мы в статье В.М. Межуева, - Л.К. Науменко всерьез думает, что все, что в сознании не является *научным* (курсив мой – Л.Н.) знанием, то от лукавого». Нет, не похоже. «От лукавого» Вадима Михайловича как раз вот эта «невинная» вставочка: «научным». Я же говорю о **знании**. Докажите, что, например, искусство не содержит знания. А вера не включает познание. Если от «духа» отсечь знание и интеллект, то он и станет духом иррациональности. «Все дело в том, - пишет В.М. Межуев, - как понимать сознание – как только познание или как нечто несравненно большее». Если из со-знания и по-знания убрать знание, то «несравненно большее» – это иррациональность. Какому же богу молится В.М. Межуев? «Большее» в сознании – это, конечно, бессознательное. Вот и получается у нашего автора «бессознательное сознание». Не лучше и «дух», из которого вытравлен интеллект. Что хуже: обездуховленный интеллект или бессмысленный дух? По-моему – оба хуже. Вопрос на засыпку: «Чем отличается «бессознательное сознание», иррациональный «дух» от коленного рефлекса? **Внедрить в духовную сферу иррациональность** – это и есть «сверхзадача» В.М. Межуева. Вот это и есть **идеология**, проще говоря – навешивание лапши на уши путем **оправдания иррациональности**. Вам мало, Вадим Михайлович, немотивированных убийств, рефлкторных преступлений, механических ошибок хирургов, управленцев, слесарей...Вам симпатичны «реформаторы» с фанатизмом безумцев варганившие «шоковую терапию» и угробившие великую страну? Вам нравится физиологический экстаз «элиты», попершейся в «Хромую лошадь»? – «Господа! Горим!» Идеология это, Вадим Михайлович, идеология, то есть **иррациональность на службе у рыночной рациональности**.

4. В связи с идеологией коротко об «идеях». Будто бы следуя Марксу, В.М. Межуев утверждает, что в трактовке Маркса «идеи являются не *знанием* человека о мире, а его *отношением* к другим людям и к самому себе». «Отношение, -

цитирует он Маркса, - для философов равнозначно идее». И добавляет уже от себя: «Наука производит знания, идеология – отношения людей, но в форме не вещей (товаров), а идей».

Ошибаетесь, Вадим Михайлович, ошибаетесь и вводите читателя в заблуждение (может быть бессознательно?): не все и не всякие идеи имеет в виду Маркс, но **идеи особого сорта**. «Нормальные» идеи есть и в математике, и в физике, и в технике, и у самого Маркса. Это те «узы, от которых нельзя освободиться, не разорвав своего сердца» (Маркс). Это вам не «производство ценностей»! И не всех философов имеет в виду Маркс, но тоже **философов особого сорта** – тех, кто полагает, что идеи правят миром, т.е. создают, творят **все** общественные отношения и исторические процессы – философов-идеалистов, мастеров «немецкой идеологии». Не могу допустить, чтобы Межуев этого не знал. Это тоже азбука истории философии. (А может быть просто забыл, уступая давлению «новых ценностей»?)

У Маркса речь идет не об идеях вообще, а именно о тех, которые **господствуют над людьми**. Именно совокупность **таких** идей и составляет содержание идеологии. Маркс и разъясняет, что господство идей и есть выражение господства над людьми их же собственных отношений. Стало быть, отчуждение идеи от реальности (а ценностей от знаний) есть результат отчуждения людей от их же собственных общественных отношений. Просто и ясно. Собственная же «теория идей» Межуевым за волосы притянута к Марксу. – «Маэстро, так конь не ходит!». Вспомним, что это деловое замечание «гроссмейстеру О. Бендеру» прозвучало немного позже его вступительной лекции о шахматной идее.

Что же касается идей, которые творят отношения, то это смотря какие. Если они творят **идеологические** отношения (политические, правовые...), то это утверждение верно, но оно просто тавтология. А если экономические, то это **стопроцентный идеализм**, причем не «умный», а тот, что не лучше «глупого материализма» (Ленин). Вы что же, полагаете, что капитализм сотворили ученые-экономисты и философы-просветители?

5. Однако хватит об идеологии. Поговорим о святой святых – о ценностях.

В статье «Свобода как ценность» В.М. Межуев писал: «В качестве ценности свобода впервые была открыта философами». ² (Где открыта? Если ценности «не отражают», то открыты они в «субъективной реальности», хотя уже было сказано, что они – объективная реальность». Что-нибудь тут понять можно?) Ну если их «открыли» философы, то они же могут и «закрыть». Однако закрыл их не я, а сам В.М. Межуев и сделал это следующим образом.

Прежде всего он отделил «ценности» от «знаний» и противопоставил их друг другу. Затем он отделил от ценностей также и разум. Следующим шагом он вывел их из

² Альтернативы, 2009, № 4, с. 6.

под юрисдикции «гносеологии» (здесь – теории отражения) и на место гносеологических категорий истинности и ложности поставил новую категорию – «значение». Впрочем, лучше это процитировать: **«О ценностях не судят по шкале истинности или ложности. Они, как известно, - не знание человека об объекте, а значение объекта для него, которое само по себе не истинно и не ложно».** «Как известно» здесь – контрабанда. Известно это только В.М. Межуеву, М.С. Кагану и другим проповедникам той же «лиги». Это просто устрашающий «пасс» для слабонервных. Ни Платону, ни Фоме Аквинскому, ни Спинозе, ни Канту, ни Гегелю, ни, тем более, Марксу это не было «известно». Мне же вместе с классиками хорошо известно, что это и есть **credo иррационализма**. Не истинен и не ложен, как уже было сказано, - булжжик. С человеком же дело посложнее, если конечно, человека не рассматривать как «сумму» физиологических «технологий».

Путать ценности и знания – это, по Межуеву, то же самое, что и смешивать божий дар с яичницей. Мне он эту «перепутаницу» великодушно прощает: «Просто Л.К. Науменко этими сюжетами всерьез не занимался, и, похоже, не очень ими интересовался». (Вадим Михайлович это точно знает?) Сам же Межуев занимался и интересовался этими сюжетами почитай всю сознательную жизнь. Оценим теперь его результаты.

Верно ли, что о ценностях не судят «по шкале истинности или ложности»? Правда ли, что значение объекта для человека не требует познания этого самого объекта? Природа, пища, одежда, жилище «сами по себе» и в самом деле «не истинны и не ложны», ибо они **объекты**, для них достаточно просто быть. Но речь-то идет о человеке, разве он не может ошибаться, оценивая значение этих объектов для себя? Истинно ли, что на «значение» объекта человек реагирует с той же непосредственностью, с какой собака выделяет слюнку? Вот эта «реакция» действительно «не истинна и не ложна», как и кусок мяса, дразнящий собачку. Простые вопросы «профана» «профессионалу»: значение объекта для человека объективно или нет? Улавливает ли он это «значение» печенкой или селезенкой или все же как-то иначе? Разве его оценки объекта как «имеющего значение», равно как и оценки самого себя, не могут быть ложными? Ошибался ли Сократ, призывая человека: «Познай самого себя»? Наконец, **главный вопрос**: предполагает ли ценность свободный выбор или нет? Если нет, то ценностное поведение не предполагает «ценностную **ориентацию**». Среди чего прикажете ориентироваться, если ценность просто есть, точно так же, как у хищника есть когти и зубы, и он даже при большом желании и уважении к гуманистическим ценностям стать травоядным просто не может – у него нет выбора. А если есть, то как предпочесть один выбор другому? Бросить жребий? Но тогда «свободное решение» примет не Цезарь, а монета. Как отличить плохой выбор от хорошего? Хочешь не хочешь, а придется опереться на **знание** и объекта и самого себя. Ничего другого в руках у человека просто нет. Одно из двух: или он запрограм-

мирован раз и навсегда на одни и те же действия в разных объективных обстоятельствах, или же он способен научиться и менять и стратегию и тактику своих действий. В первом случае он просто детерминированный автомат, т.е. вообще не человек. Во втором – субъект, способный действовать **одинаковым образом в разных обстоятельствах и разными способами в одинаковых обстоятельствах**. Возможно ли это без «отражения», т.е. без познания этих обстоятельств? «Ценности» потому и ценны для человека, что они не препятствуют этой способности, а способствуют ей, развивают ее. Следовательно, они тоже знания, но примененные не в теоретической, а в практической области – **в области действия**, деятельности. Тем, кто «всерьез интересуется» этой проблемой, не вредно было бы почитать не вымученно философическую, а научную книгу, чтобы выбраться из клетки «аксиологических» ограничений. (В.М. Межуев тоже ограничивает знание, чтобы дать место вере, то бишь – «ценности»). Хотя бы книгу Акоффа и Эмери «О целеустремленных системах».³ В ней как раз и идет речь об отличии человека от автомата.

Все это значит, что хороший выбор – это истинный, а плохой – ложный. А истинный тот, который согласуется не только с субъективным «хочу», но и с объективным «могу», т.е. тот, что не противоречит объективному миропорядку и опирается на знание и себя самого и этого порядка. Моим «свободным выбором» может стать и наслаждение - чем не «ценность»? Но это ложная ценность и она сулит мне целую кучу болезней. Разве не об этом толкует вся античная и последующая классическая философия? И не только она. «Дерево **познания** добра и зла – это что такое? А добро и зло без познания – что такое? Естественная «склонность» к добру? Тогда овца – прирожденная святость, а волк – воплощенное зло. Разве не об этом так доказательно и темпераментно писал Кант в «Критике практического разума»? Наконец, если ценности не истинны и не ложны, то нет и морального прогресса. Все системы морали равноценны, ибо ценности просто есть.

б. Теперь о том, что мне «претит всякое разделение, различие, разграничение».

В.М. Межуев пишет: «...различие между верой и знанием, религией и наукой не удалось пока преодолеть никакой науке». Что верно, то верно. Странно было бы, если бы наука взяла на себя труд преодолевать различия между собой и религией: (хотя пытались неоднократно, тот же Аквинский, например). Что хотел сказать здесь Межуев абсолютно не ясно. «При некоторой невнятности всего этого рассуждения его можно было бы стерпеть», - скажем словами Межуева в мой адрес, если бы не продолжение этого «рассуждения», которое абсолютно ясно: «Ибо граница между ними – это граница не между истиной и ложью, как думает Л.К. Науменко, а совсем

³ Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., Советское радио, 1974 г.

другая – между истиной и ценностью...».

Получается, *во-первых*, что в религии нет ничего ложного, одни «ценности», а в науке – одни истины, но никаких ценностей. Если, скажем, кто-либо верует в Велеса или Перуна, а кто-либо в сотворение мира за 6 дней и в непорочное зачатие, то тут нет ничего ложного. Это просто «ценности», которые нисколько не хуже, чем истина, которая однако же тоже ценность. Так что у шамана свои ценности, а у ученого свои. У олигарха – свои, у шахтера – свои. Все хорошо в этом лучшем из миров. – *Yedem das Seine*, каждому свое? Межуев отдает себе отчет в том, что он говорит? Или его речь тоже просто ценность?

Во-вторых, разве я где-нибудь говорил, что на стороне науки только истина, а на стороне веры только заблуждение? И в науке заблуждений хватает, и в религии есть очень ценные истины. Почему В.М. Межуева не устраивает то, что написано у меня: абсолютно ложных идей не бывает, каждая, даже самая абсурдная, содержит в себе частицу истины, как и частицу заблуждения. Это не я придумал, это – Спиноза. Истина конкретна (или это тоже дань научному ригоризму?) Так и давайте смотреть: где истина, а где заблуждение и каков их «удельный вес» в науке и в религии.

Теперь **о различиях и разграничениях**. В.М. Межуев ломится в открытую дверь и тратит силы на доказательство того, что ясно и без всяких доказательств. А именно, что наука отличается от религии, миф - от логоса, вера – от знания, знания – от ценностей. Да кто же эти различия отрицает? Тут не нужна ни мозгодробительная теория, ни логика, ни даже простая сообразительность. Проблема в другом – как **понять** эти различия?

Простейшее условие таково: сравнивать и различать можно только тогда, когда явления сопоставимы, соизмеримы, т.е. когда они представляют собой **различия внутри единства**. Пусть В.М. Межуев ответит: чем отличается метр от килограмма? Метр – единица длины, килограмм – единица веса. Логически вопрос о различии между знанием и ценностями абсолютно такой же. Что они «разные», то это и ежику понятно. А вы попробуйте ответить на вопрос – **в чем эта разница?** Не получается? Ну тогда и не судите, не судимы и будете.

Сам язык наш выдает суть проблемы: **в чем** разница? Укажите то тождественное, внутри которого только и можно искать различия.

Чем отличается красный цвет от голубого, нота «до» от ноты «фа»? Ответ прост: они различаются как части единого спектра цветов и единого спектра звуков. Эти различия не трудно конкретизировать и в единой шкале и выразить единой мерой: длиной волны и числом колебаний в секунду. Вот вам и «монизм». Или будете различать, не отождествляя? – Попробуйте. Чем отличается нота «фа» от кислого вкуса, вкус – от веса, вес от красоты и т.д.? Ну-ка, не отождествляя. Не получается?

Средневековые схоласты решали подобные вопросы так: «Опиум усыпляет потому, что имеет усыпительную природу». Точно то же самое и в истории науки: для

каждой особой группы явлений – своя особая, автономная, суверенная «сущность». Это теплород, флогистон, электрическая жидкость, эфир... Как отличить ценности от знаний? Ценности имеют, говорят нам, особую, ценностную, «аксиологическую» природу. Знания – свою, «гносеологическую», «отражательную». Отождествлять их нельзя. Это то же самое, что отождествлять метры и килограммы или мерить аршины пудами. Ну а как их различать, не отождествляя? Вот и получается ровно то же самое, что и с опиумом. Я не вижу никакого различия между событиями двухсотлетней давности в науке и событиями в «современной» теории ценностей: ценности отличаются от знаний тем, что они не знания, а знания отличаются от ценностей тем, что они не ценности. И это можно серьезно обсуждать?

Я задал очень простые, детские вопросы. А вот посложнее: а можно ли мерить аршины пудами? – Спросили бы у Эйнштейна. От ответил бы: можно! В общей теории относительности гравитационные свойства соизмеряются со свойствами пространства – искривленного. Никакой **особой** «силы тяготения» тут и не требуется. Вот вам «аршины» и «пуды» Отождествил! А самая знаменитая научная формула XX века: $E = mc^2$. Это что такое? – Энергия приравнивается к массе! Это **формула отождествления**. И чтобы вы тут делали со своим опиумом и усыпляющей природой? А заодно и с «опиумом для народа». Сначала отождествите, а уж потом различайте и разграничивайте. Иначе вернетесь в «темное средневековье». Похоже, что В.М. Межуев никогда «всерьез не задумывался» об этом самом монизме. Но если это так, то и задумываться о чем-либо – попусту тратить энергию нервных клеток. Мышление-то и есть отождествление и различие. Это тоже азбука.

И последняя задачка: а **как отличить более ценные ценности от менее ценных?** Удовольствие – ценность? – Ценность. А здоровье? – Тоже. А богатство, власть, слава? Можно ли ответить на эти вопросы, не различая ценности по критерию истинности и ложности? А ведь именно с этих вопросов и началась философия как «любовь к **мудрости**». Мудрость для античных греков – это не просто знание, но знание, отнесенное к человеку, к его целям. Подлинные, истинные, разумные цели – это те, что согласуют мое «хочу» с «могу», субъективные цели с вселенским целым, с миропорядком, с Логосом. Это и есть ценности. Если для тебя высшей целью является удовольствие, понимаемое как раздражение вкусовых и всяких иных рецепторов, будь уверен, что твоя глупость вернется к тебе в облике целого букета болезней, что докажет неистинность, ложность твоих целей. Философия и была **мудростью**, т.е. испытанием всякого рода ценностей на истинность, на соответствие целей законам универсального целого. **Именно по шкале истинности и ложности.**

7. Постмодернизм в искусстве с шокирующей наглядностью продемонстрировал различие между бессознательным и сознательным поведением и предметно показал, что такое **иррациональность, превратившаяся в ценность** – не в теории, а именно **на практике.**

Чем отличается инстинктивное хамство от хамства «из принципа»? Рефлекторное свинство от свинства «по убеждению», механическая клептомания Шуры Балаганова от идеологически осмысленного воровства «жирного кота»? – Тем, что **скотское стало ценностью**. Конвергенция бессознательного с сознанием состоялась. Скотство уже не стыдится, а кичится, «эпатирует». Бессознательный червяк выел все содержимое сознания и выставил теперь на всеобщее обозрение «новое сознание», то самое «бессознательное сознание», которому наплевать на «шкалу истинности и ложности».

Я приглашаю Вадима Михайловича и Вячеслава Жановича поразмышлять вместе над таким вопросом: **чем отличается** одна и та же гадость в быту и на картине, куча дерьма в подъезде и точно такая же куча на сцене театра? Я-то думаю так, что в подъезде это просто дерьмо, а на сцене – метафизическая сущность, дерьмо, превратившееся в ценность, sublime, как выражаются авторы, близкие к изящной словесности. Оно превратилось само собой или ему помогла «идеология»? Идеология, как было сказано выше, появляется там, где возникает потребность частное, т.е. вкусы, образ жизни, ценности какой-либо одной страты не только оправдать, но и превратить в пример для подражания, в образец для всех, в универсальную ценность. Многие еще не забыли пророческий фильм «Сладкая жизнь» - **осуждающий** гротеск. Здесь вещи названы своими именами. Сегодня тот же гротеск подается иначе, как образец для подражания, глямур высокой пробы. Что произошло, что изменилось? Фактическое содержание осталось тем же самым. - Произошла **переоценка ценностей**. Виновато ли в этом «духовное производство»? – Нет, не виновато. Оно просто добросовестно **отражает** то, что произошло с человеком, откликнувшимся на призыв «возвратиться в дураки». Поэтому по большому счету не рефлекторное превратилось в ценность. Выше мы несколько упростили дело. Животным ценности неведомы. В ценность превратилось **человеческое** качество – **глупость**. Это она куражится на экранах и вербует все новых и новых презелитов в «лигу дураков». Ценности сами по себе не спасают от глупости. Глупость сама стала ценностью. От глупости может спасти **только знание, снова ставшее ценностью**.

В чем я не прав?

«Жирный кот» подгребает под себя все, что плохо лежит, ни на минуту не задумываясь о ценностях в том самом, «высоком», философском смысле. Ценности и не нужны там, где правит бал стоимость, «цена», эгоистический интерес и сила. Но для «кота» не лишне, если тут же появится философ-идеолог с готовым набором косметики и переоденет потрепанную ложь под молодую истину. За это «кот» не против и заплатит. Если для него достаточно одного – «хочу!», то идеолог это его «хочу» представит как акцию во славу свободы личности, т.е. вознесет вульгарное и ба-

⁴ Лифшиц Мих. В мире эстетики, М., 1985, с. 97-189.

нальное в сверхэмпирические выси, превратит в нечто сверхчувственное, духовное, отнесет к «высшим смыслам», превратит в общечеловеческий идеал, «смастырит» из заурядного эгоизма ценность. Но за эту сублимацию надо платить. Такого рода «философия» заранее смирилась с ролью интеллектуальной услуги и напрасно надеется, что «кот» пригласит ее из передней в «апартаменты». Место ее именно в передней. Ну как тут удержаться, чтобы не сказать обо всем этом вместе с Гоголем: «Он, бачь, яка кака намалевана!». Такое вот sublime.

В заключение сошлюсь на мнение еще одного профана – Аристотеля. Это ведь он сказал, что «Платон – друг, но истина **дороже**». Все-таки истина дороже наших личных обид. Стало быть истина – **ценнее** дружбы, а дружба – ценность. Следовательно и истина – **ценность**, причем не только для философа. А нам говорят, что ценности не истинны и не ложны. Почему же тогда Джордано Бруно взошел на костер, а «упрямый Галилей» настоял на своем: «А все же она вертится!»? Да и чего бы стоили «ценностные ориентации», если бы в них не было того, что Э.Ренан метко назвал «перцепцией истины»? Вот я и делаю вывод, что если философы открыли ценность, то философ Межуев закрыл ее, оценив не выше коленного рефлекса. Это и есть конечный результат всех операций по вычитанию знания из сознания, разума из духа, истины из ценности.

Выше я пообещал показать, что останется от идей В.М. Межуева, если вычесть из них идеи Маркса. Сделать это не трудно. Просто надо порекомендовать читателю прочесть очень доказательную работу Мих. Лифшица «Бессистемный подход». То, что утверждает В.М. Межуев, один к одному совпадает с утверждениями М.С.Кагана. Мы не будем вмешиваться в спор о приоритете – смысла нет. Жаль лишь одно: потратить столько сил, драгоценных сил на опровержение «системной» галиматши. М.С. Каган **уже сделал** вклад в то самое «разрушение разума», о котором писал Д.Лукач, осмысливая философские предпосылки и исторические последствия игры нацистов с иррациональностью. И если уж «сон разума рождает чудовищ», то что же рождает его разрушение? Тут как с шахматами: «Для игры – много серьезности, а для серьезности – много игры». А может быть следует, наконец, сказать так: «Поиграли со спичками – и будя!» Очень уж страшеньким веет от этой «игры».

P.S.: Щедрость, с какой В.М. Межуев повесил мне на шею целую гирлянду благоглупостей, меня просто изумляет. Уж не в расчете ли на то, что читатель просто поверит ему на слово? Иначе почему он разместил свою критику не там, где помещена моя статья, а в другом издании, лишив читателя возможности сравнить карикатуру и оригинал? При нынешних тиражах это почти невозможно. Я поэтому попросил редакцию «Альтернатив» опубликовать в одном номере статью Межуева и мой ответ. Любезное согласие редакции сделать это – свидетельство того, что в личном все же прозвучало общественное. Уверен, что **есть альтернатива постмодернизму**.